

ВНЕЗАПНО люблю себя на мысли: какой бы это был учитель! Она отвечает на очередной вопрос, как и на прежние, очень вдумчиво, словно впервые открывая какие-то истины, помогая себе жестами, взглядом, необычайным богатством интонаций, — а я радуюсь этому, вдруг пришедшему в голову: какой учитель! Уже потом, после разговора, думаю о неслучайности этого предположения: разве не учит нас каждая ее песня — учит в самом высоком смысле этого слова, ненавязчиво, мудро, обращаясь будто к каждому из нас?

Поэт Елена Камбурова...

ность и грусть — то, что Камбурова называет «какой-то щемящей нотой...».

Как правило, она поет песни, до нее не исполнявшиеся со сцены. Да и трудно представить, чтобы кто-то, кроме Елены Камбуровой, пел «Черемуху» (Л. Критская — Ю. Левитанский), или «В один прекрасный день человек узнает...» (М. Таривердиев — Л. Ашкинази).

Если же Камбурова берется за песни уже известные слушателю, она обычно предлагает свою трактовку — всегда интересную. И всегда помимо точных деталей и

это: «Увозят милых корабли» — это непонимающее, внутреннее «за что?» — потрясает.

И вдруг после одних только слов — музыка. Одна только музыка. Чистый и взволнованный голос. Шопен. Та ли это женщина, которая только что прощалась со своей любовью, а для нее значит, с жизнью? Тот ли это голос? Та ли планета? Камбурова: «Когда Шопен, не думаешь, что ты есть такое. Не надо слов...».

СДЕЛАЕМ, как на концерте, перерыв, и в импровизированном «антракте» по-

кому около 30, за тридцать. Здесь — опыт, и потом человек уже состоялся, он не изменит ради моды или поветрия себе... А вообще, когда пою, я пытаюсь учесть ощущения зрителя — моего друга. Мне очень хотелось бы, чтоб он мыслил, как я... В этом плане я даже боюсь больших аудиторий; страшно не найти контакта...

ВЕРНЕМСЯ в «зал». Когда поет Камбурова, очень легко представить, что ты не на концерте, а в театре. Каждая песня — это настоящий спектакль, моно, или с несколькими действующими лицами, спектакль яркий и запоминающийся. Давайте станем зрителями трех из них. Режиссура различна, различны художники и композиторы. Объединяет «спектакли» одно: в главной роли Елена Камбурова.

«Смерть царя Ивана» (С. Никитин — Д. Самойлов). Песня — это диалог, не совсем реальный, потому что происходит он между умирающим Иваном Грозным и той кем-то из бояр, то ли совестью царя Ивана... А еще в песне есть молодой звонарь. И все произведение в исполнении Камбуровой словно распадается на три повествования, не теряя при этом, однако, своей целостности: все о Грозном-царе.

Вот он, умирающий: слабый, тихий, но помнящий же про свои деяния. Вот этот «некто» (бояре? совесть?). Певца особым образом держит руки: поза святых в древнерусской живописи на иконах. Вот мальчишка-звонарь: ему и весело (надо ведь «помирает царь!»), и страшно, и волноно: а не махнуть ли на Дон? И жалко царя...

(Камбурова: «Когда я готовила «Ивана», представляла его «кинематографически»: крупный план, средний, «масовка»...).

«Шарманка» (Л. Критская — Ю. Левитанский). Это пьеса о целой жизни. О том, как приходил в маленький дворик старый шарманщик, как играл и получал в награду ромашку, улыбку, слезинку... Как уходил и забирал это с собой, и этим-то самым — синицей, жар-птицей — и жил... Кончался его нехитрый мотивчик, понемногу таяла жизнь: странная, наверное, не очень счастливая. Но зато в ней всегда была ромашка, синица и улыбка...

«Я — клоун, веселый клоун!» — и что же, верить этим словам, начинающим последнюю «песню»? А почему же нет? Клоун! Он живет «ради смеха!» И то, что он делает мир счастливее на одну радость, это цель, это смысл его жизни! Верьте ему! Да не смутит вас внезапная горечь этого: «Смейтесь, смейтесь надо мной!», да не усомнитесь вы в его неутомимости, да не обманет вас эта легкая клоунская шапочка... Смейтесь! Человек отдает вам жизнь!

КТО же она, Елена Камбурова? Певца? Драматическая актриса? Циркачка? Поэт (раньше ведь писала стихи)? Травести? Учитель?

«Она всегда поет так, как в последний раз», — довелось мне услышать о Камбуровой. А сама Лена на вопрос, как определить ее песни, ответила: «Может быть, исповедь?»

Она учит нас, и после ее концерта мы — немного другие.

Н. АКСЕЛЬРУД.

НАШ
СЛОВАРЬ:

ИЛИ КОГДА ПОЕТ КАМБУРОВА

ПЕВЦЫ И
АНСАМБЛИ

Она появилась на эстраде более 10 лет назад. Камбурова — актриса единственная в своем роде: ее искусство — это синтез вокала, драматической игры и цирковых элементов. Выпускница Государственного училища эстрадного и циркового искусства, первоначально она наполняла свои песни немалым количеством сугубо цирковых номеров: ей ничего не стоило, скажем, пройтись по сцене колесом или даже сделать сальто в глазах изумленной публики. С годами пластичский рисунок выступлений стал суше, строже: усилился психологический момент исполнения. Каждая песня — это обязательно размышление, глубокое и искреннее.

МЫ приходим на концерт и удивляемся вновь и вновь: стихам, звучащим на редкость музыкально, музыке, раскрывающей стихи, и еще чему-то, что трудно объяснить словами. Голос? Да, конечно, но дело не только в его силе и красоте необычного тембра. Интересное пластическое решение каждой песни? Несомненно, но и это не главное.

Наверное, это вот что: сочувствие. Со-чувствие, в старинном значении этого слова, когда ощущаешь счастье совпадения мира песни, мира исполнителя и своего мира, когда — вместе, когда чувствуешь, что нас в зале — всего двое, когда — со-переживание... И в огромном зале нет ничего, кроме заполнившего тебя голоса — то безгранично нежного, то строго до суровости, но всегда доверчивого и всегда близкого. Да, песни эти только для тебя. Но услышав их, испытываешь странное чувство: хочется дарить их всем вокруг, и понимаешь, что теперь ты еще больше связан с людьми, с ветром, с морем, с тем, что называется просто и навсегда необъяснимо: жизнь...

Камбурова помогает жить стихам. Сколько уж раз читано это, цветаевское: «Что же мне делать, певцу и первенцу, в мире, где начернейший — сер?!», а слушаешь песню (музыка Б. Рычкова) — и вновь такая боль! Кто не знает «Хорошее отношение к лошадям!» Но в песне (музыка В. Дашкевича) еще раз прозвучит это: неж-

тонких нюансов в ее песне проявляется дополнительная экспрессия, накал, сила чувства. «Белеет парус одинокий» — это обычно поют дети, капеллы, — говорит Лена. — У них все чисто и красиво, но как-то ровно! Мне же показалось, что из этой вещи можно сделать что-то такое... — Она взмахивает рукой, — яркое и сильное, такое... И действительно, как по-лермонтовски ясно, мятежно и тревожно звучал старый романс Варламова!

«Моцарт»... Если в исполнении Окуджавы ощущаешь прежде всего спокойную и мудрую грусть этой песни, то «Моцарт» Камбуровой будоражит: здесь не просьба, не совет, здесь мольба и страсть, и заклинание: «Не оставляйте стараний!», «Не расставайтесь с надеждой, маэстро!».

Сколько красок, сколько настроений... Вот подряд три песни Б. Окуджавы: «Старинная солдатская», «Кавалергарда век недолог» и романс «Зачем мы перешли на «ты». Перед нами за какие-то десять минут — не только три разных человека, но три разных мира. Горький и суровый — мир войны и крови, мир расстрелянной любви и мертвых товарищей. Через какие-то минуты — это бесшабашный и лихой мир кавалергардов, юных красавиц и шампанского «рекою». А спустя мгновение — мир трепетный и зыбкий, когда неясно: то ли «вы», то ли «ты», то ли «навсегда», то ли опять «случайность»... Всего три песни...

После песен на стихи М. Цветаевой Камбурова читает знаменитое «Мой милый, что тебе я сделала?». Читает, как и все, что она делает на сцене, очень ярко и страстно. И, думается, этот темп, этот стиль чтения как раз «цветаевский» — бескомпромиссный и вместе богатый полутонами. Можно сказать, что Камбурова читает очень смело: она не боится предстать перед зрителем и слушателем, действительно, как это в стихе, «остолбенелой», «заледенелой». Эта женщина поистине больна любовью, и вместе с любимым ушло от нее все: красота, пресловутое умение логически мыслить, обаяние голоса; остался крик, плач, вопль: «Что тебе я сделала?!». И

говорим с Еленой Камбуровой.

— Лена, как называется то, что вы делаете на сцене? Попробуйте, пожалуйста, сами определить жанр.

— Знаете, когда я пытаюсь это объяснить, обнаруживаю, что конкретных слов здесь не находишь. Да вряд ли ими что-то можно определить. Здесь важно другое: цель. Для чего-то человек выходит на сцену... Есть серия задач, мыслей, проблем, которыми он хочет поделиться со слушателями. Нас часто волнуют одни и те же проблемы, из поколения в поколение, но каждый пытается их осмыслить по-своему, и я тоже... Вот в театрах — играют одну и ту же пьесу, некоторые — уже столетия, но играют по-разному... Так и здесь, в песнях. Мысли автора эмоционально подняты композитором, а я «третье лицо», — передаю. Я переводчик... Можно так сказать?

— По-моему, не совсем. Вы совершаете гораздо большее, нежели просто «перевод». Но, если хотите, пусть это будет «рабочим определением». Другой вопрос: каков элемент импровизации в ваших песнях? Ведь многие из них, кажется, очень «прочно» решены пластически, трудно что-то изменить, а, наверное, внешнему решению подчиняются и интонации?

— Нет, что вы... Ведь каждый день мы — новые. И, кроме того, одну и ту же историю я рассказываю разным людям, а настрою зала чувствуется всегда. Поверьте, это не пустые слова.

— Есть ли у вас наиболее дорогие песни? Те, что были с вами в самом начале пути и остались в сегодняшнем репертуаре?

— Да. Это «В один прекрасный день...» и «Какой большой ветер!» Новеллы Матвеевой. Знаете, я ее давно не пела, а потом вдруг она постучалась ко мне... Ну, песня — это же как живое существо... И я пою ее снова... Да, конечно, иначе, чем прежде.

— Для кого вы поете? Ваш «идеальный слушатель»?

— Очень люблю петь для студенчества. У студентов восприимчивость сильнее, как-то радостнее. Но ближе мне мои сверстники — те,